

Эльвира Абдулова

*Освяти
и сохрани
чадо мое...*

Эльвира Абдулова

Освяти и сохрани чадо мое...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37664993

ISBN 9785449340955

Аннотация

Пять интересных женских историй переплетаются на страницах повести. Героини настолько разные, что вряд ли могли бы встретиться в повседневной жизни. Однако есть нечто общее, их объединяющее: они переживают непростые жизненные обстоятельства, заглядывают в собственное детство и ищут ответ на главный женский вопрос: где она, граница материнской любви? Как не сотворить зла и сделать своего ребенка по-настоящему счастливым? От равнодушия до обожания, от жесткого воспитания до обожествления...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	36
Глава 6	39
Глава 7	42
Глава 8	45
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Освяти и сохрани чадо мое...

Эльвира Абдулова

*...Ты создал меня достойной матерью
семейства;*

*благодать Твоя даровала мне детей,
и я дерзаю сказать: они Твои дети!...*

Амвросий Оптинский.

*Чтобы быть счастливым, надо жить в своем
собственном раю. Неужели вы думали,
что один и тот же рай может удовлетворить
всех людей без исключения?*

Марк Твен.

*Разве есть на свете что-нибудь прекраснее букв?
Волишебные знаки, голоса умерших,
строительные*

*камни чудесных миров... И более того —
знаки-утешители, избавители от одиночества.*

Хранители тайн, провозвестники истины...

Корнелия Функе.

ISBN 978-5-4493-4095-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Тот сочельник Розалия Ивановна не забудет никогда. По старой традиции Рождество в их семье отмечали двадцать четвертого декабря. Давно уже не нужны были никакие внешние атрибуты, потому что Рождество – оно в душе... тихое, светлое, благодарное чувство, когда у Девы Марии родился необыкновенный Младенец – Сын Божий Иисус Христос, а в душе только радость от причастности к этому торжеству и вселенская, всеохватывающая любовь.

Старый дом давно требовал ремонта, и половицы жалобно трещали, предупреждая, что, не ровен час, обвалятся под ногами, но Розалия Ивановна с годами становилась все прозрачнее и невесомее и думала договориться с домом, чтобы хватило его терпения на ее недолгий срок. Так и доживали вместе – старый нелепый дом, вытянутый, как вагончик, и его немолодая хозяйка.

Рассохшийся от старости дом, помнивший Розочку еще пятилетней малышкой, по ночам издавал странные звуки. Он, будто скучая по дневной суете и вспоминая пережитое, то скрипел сухими стропилами и жаловался, то пугал внезапно захлопнувшимися дверьми, то шелестел поредевшими хрусталиками почтенной люстры. Летом в доме пахло цветами, растущими под окнами, осенью – рассыпанными на полу и собранными в корзины румяными яблоками из дедуш-

киного сада, зимой – фруктовыми пирогами и кофе, который очень уважала хозяйка. Ветер – бродяга, часто заглядывал в гости, рассказывал удивительные истории каждой щели старого дома, но понимали его не все, только четвероногие. А может быть, он наведывался с визитами, чтобы проверить, все ли в порядке – кто его знает?

Розалия Ивановна знала все болезни и червоточинки своего дома и не боялась бестелесных голосов по утрам, зовущих ее по имени, потому что знала: это любящие приветствия от ангелов и напоминание о том, что о ней заботятся. Даже с мышками, шуршащими за стеной и под полом, хозяйка не ссорилась – а чего им делить? Хватит и им, проказникам, угощения. Двум четвероногим, гонявшим заблудившихся мышек по дому и пугавших громким лаем, строго говорила:

– Соседей не обижаем, живем дружно! Ну вот, молодцы... Рыжик, Рыжик, постарел-то как.. а Мотя лысеет.. люди с головы, а ты, Мотенька, со спины...

В тот памятный сочельник Розалия Ивановна была на пятнадцать лет моложе, как и ее дом. К празднику побелила стены на кухне, освежила обои в гостиной, принесла маленькую пушистую елочку с уличного базара и украсила старыми, еще детскими игрушками тридцатых-пятидесятых годов прошлого века. Был такой красный стеклянный шар с портретами Сталина и Ленина в круглых рамочках, но разбился. Ей подумалось – неслучайно... Но она любила другие

игрушки: домики – лесные избушки, белые и серебристые; медвежонка в кепке, сдвинутой на затылок, и с гармошкой в человеческих руках; мальчика в черных шортах, белом свитере, с барабаном и красным галстуком на шее. Девочка-чукча, русская красавица и черноволосая украинка, все в национальных костюмах, на ее елке висели еще рядом, на соседних веточках; мальчик в красном лыжном костюме с надписью на груди «Новый год» напоминал о папе. Воспоминаний о нем было немного, и Розалия Ивановна берегла их особенно.

Одиночество ее уже не пугало, давно свыклась со своим вдовством и радовалась вышиванию, чтению, если позволяли глаза, и редкому общению со старой подругой. Розалия Ивановна вымыла полы, оглядела придирчивым взглядом комнаты и осталась довольна увиденным. Елочка по-прежнему волновала душу детскими воспоминаниями, когда счастье было (но было недолгим), а душа летала безмятежно. Свечи уютно потрескивали и пахли особенно тепло воском и медом – их привозили в церковь пасечники. На кухне красовался только что вынутый из печи пирог – латышская ватрушка с творогом называлась «Дайле». Была помоложе, готовила холодец из карпа, рыбную запеканку из сельди или трески, серый горох со шпеком – традиционные блюда латышской кухни. Спасибо Марте! В хорошие времена позволяла себе и символ благополучия и достатка – красавицу-утку или индейку по ее же, Мартиному, рецепту, но не сейчас.

Глинтвейна и «Дайле» будет достаточно.

Снега в тот сочельник Господь не дал, но это ли огорчение? Давно уже не нужно было этого внешнего антуража, потому что счастье – оно в душе. Удивительное спокойствие и умиротворение испытывала Розалия Ивановна и, обратив свой внутренний взор к сердцу, понимала, что, несмотря на все жизненные сложности, у нее есть все, для того чтобы быть счастливой.

Она растворимый кофе не признавала – как бы тяжело не было, всегда находила копейчку на настоящие зерна. Вначале перемалывала ручной кофемолкой, а потом – купленной по случаю, лет десять назад, электрической кофемолкой, которая значительно облегчила ее жизнь. Руки были уже не те, так что помощь в виде научно-технического прогресса подоспела вовремя. Медная джезва была рассчитана на одну чашечку – именно то, что нужно. И удовольствие себе доставить, и врачей послушаться. Был и еще один грешок: любила к завтраку чашечку кофе с кусочком хорошего сыра, но не сейчас, пока нельзя.

Накинув старое тяжеленное пальто с ватином, пережившим все изменения в моде и верно служившее хозяйке вот уже не одно десятилетие, Розалия Ивановна, взяв в руки любимую чашку, ступила на шаткое крыльцо и вдохнула ночного воздуха. Чашка была старой, купленной по случаю в рижском комиссионном магазине. Винтажная – сказали бы сейчас. Ее родственники уже давно ушли в небытие, а эта, са-

мая стойкая, по-прежнему радовала хозяйку и подходила ей по характеру. Белая, на изящной ножке, с нежно-голубыми цветами и тремя розовыми бабочками. Ручка, когда-то золотившаяся, сейчас уже потеряла свой блеск и потрескалась, ну так это только потому, что ею пользовались чаще, на зависть соседкам, стоявшим и скучавшим на кухонных полках.

Маленький садик мирно спал под остатками двухнедельного снега, чернела тут и там островками земля, а небо... небо! Чистая россыпь бриллиантов! И полная луна, освещавшая всю улицу с неказистыми домами, верхушки обнаженных деревьев и пустующие дороги. Луна, уже начинавшая убывать, будто шарик сливочного мороженого, аккуратно срезанный тоненькой ложечкой с одного края, выглядела еще полноценной красавицей. А деревья с растопыренными скрюченными ветками... спроси их – холодно вам? А они враз ответят, склоняясь под легким ветерком – а ты как думаешь? Холодно, конечно! А тебе?... Нет, мне хорошо, слава тебе, Господи! – ответила бы Розалия Ивановна.

И вдруг какой-то звук, слабое пицание, крик о помощи маленького существа заставил женщину оглядеться вокруг. Спустившись еще на несколько ступенек, она увидела что-то, лежащее в коробке из-под конфет. Нагнувшись, она поначалу отпрянула от брезгливости – ей показалось, что это крысенок, лысый и слепой, по потом поняла, что ошиблась, и все-таки взяла его в ладони и увидела, что никакой этой не крысенок, а новорожденный щенок.

– Боже же мой! Как ты здесь оказался? А у меня-то и молока нет! – забеспокоилась хозяйка.

Старое легкое полотенце уложила в коробку и им же укрыла дрожавшее существо. Потом метнулась на кухню и отыскала в холодильнике немного молока на дне стеклянной бутылки.

Малыша начала кормить пипеткой и потом долго наблюдала, как он торопливо и жадно ел, тихонько засыпая, посапывал, разомлев от еды и тепла. Иногда его крошечное вытянутое тельце дергалось, лапки будто бежали, увидев что-то страшное, а потом снова погружались в спасительный сон. Со временем она научилась массировать животик щенка, теплой, слегка влажной тряпочкой, имитируя действия мамы-собаки. Он во сне подергивался и взвизгивал, а через десять дней открыл глаза и посмотрел на Розалию Ивановну с удивлением.

Так в ее жизни появилась Мотя, оказавшаяся через некоторое время длинношерстной таксой, и ее хозяйка долго вспоминала ту ночь и неожиданный подарок, оставленный разве что не под елочкой.

Когда потеплело, Розалия Ивановна с Мотей на руках стала выходить в сад, добираться до магазина на соседней улице, до ветеринара, живущего на другом конце города, постепенно увеличивая маршрут. Мотя послушно сидела на руках или в сумке хозяйки, вызывая улыбку у прохожих, а потом и вовсе, вполне себе самостоятельной собакой бежала рядом.

Проблем с ней не было никаких. Вот только когда дома начиналось то, что Розалия Ивановна называла «моим концлагерем», девочка громко лаяла и, сама такая крошечная, пробовала защитить хозяйку.

Как-то летом случилось то, что изменило Мотину собачью жизнь полностью, а Розалии Ивановне принесло только тревогу и лишние волнения.

Дамы грелись на солнышке у ворот своего дома, когда Юрий Александрович, заядлый охотник и рыболов, балагур и шутник, у которого на каждый жизненный случай припасен анекдот, вдруг окликнул соседей:

– Приветствую Вас, Розалия Ивановна.

– Розалия, – недовольно поправила женщина, не любившая обращений по имени-отчеству.

– Розалия! – послушно поправился сосед, – ну, а ты, Мотя, все бездельничаешь?

– Да нет! Наш день начинается рано. Мы уже прогулялись, на источнике были, в магазин сходили. Да, Мотя?

– Не об этом я!... – удивился их недогадливый сосед. – Пойдем на охоту, а? С моей Адой... пойдем, Моть? Тебе уже можно пробовать. Вижу – будет толк с нее, бойкая и выносливая собака!

Розалия Ивановна запротестовала: видела, как вернувшись с охоты, Юрий Александрович находил двадцать, а то и тридцать клещей в черно-белой шерсти своего спаниеля. Ада послушно терпела эту малоприятную процедуру, а по-

том более двух суток спала, просыпаясь лишь к обеду. Хозяин считал, что спаниель на охоте счастлив, но соседка отнеслась к такому предложению так, будто подошло время отдавать любимого первенца в детский сад, а беспокойная мама не может решиться на такое, пусть и недолгое, но все же расставание.

С самых первых выездов Мотя, очень уживчивая и ласковая, оказалась веселой и активной и раскрыла в себе массу охотничьих талантов. Первоначально Юрий думал научить Мотю работать по утке, лисе и барсуку, но в поисках приключений коротконогая такса как-то залезла в грязную лужу и с удовольствием поплыла, как бегемотик. А впервые увидев озеро, собака с человеческим разумом сама вошла в воду и стала спокойно удаляться от берега. Ада полезла следом, догоняя подругу – делить им было нечего, и девочки ладили. Другим собакам, оставшимся на берегу и лаявшим вслед, Мотя отвечала молчаливым и презрительным взглядом:

– Сами дураки! Всех обгоню и до другого берега доплыву!

Это качество Юрий Александрович решил использовать в охоте на уток. Стал приучать к аппортировке добытой водоплавающей птицы. Мотя плыла с удовольствием, выстрелов не боялась и никогда, даже из самых густых камышей, не возвращалась без утки. Розалия Ивановна от трофеев отказалась сразу: брезглива была до выщипывания перьев и потрошения, потому Мотина добыча доставалась соседям, к их большой радости. Такса возвращалась к хозяйке уставшей

и грязной, молча терпела все издевательства и омовения, а потом, как и соседка Ада, погружалась в долгий, восстанавливающий сон. Пришлось запастись жесткой щеткой, чтобы шерсть была гладкой и блестящей.

Однако теперь хозяйка восхищалась своей собакой еще больше, благодарила Господа за такой подарок, а на вопрос знакомых, отчего сегодня гуляет одна, гордо отвечала:

– На работе сегодня Мотя. Завтра вернется. С зарплатой.

Бдительность и отличный слух, мгновенная реакция, умение распознать опасность и бесстрашие позволило Моте быть отличной сторожевой собакой и прекрасной охотницей.

Короткие ноги таксы – преимущество среди других собак и умение пролезать в норы помогли ей прекрасно работать по барсуку. Старые барсучьи норы, рассказывал Юрий Александрович, все равно что коммунальные квартиры, где живут мыши и лисы. Несмотря на несколько запасных выходов, Мотя никогда не возвращалась без добычи. Теперь, увидев соседскую машину во дворе, такса выражала нетерпение, бегала вокруг, перебирая крошечными лапками и шевеля хвостом-антенной. В открытую дверь потренировавшись запрыгивала потом сразу, не дожидаясь приглашения.

– Нет, Мотя, не сегодня. Иди домой. Сегодня у тебя выходной, – шутил охотник.

Ада же была до удивления индифферентна: не сердилась на то, что хозяин гладит другую и ведет с ней задушевные беседы.

– Что за собака! – говорил Юрий Александрович. – Ей все равно! Много у меня было четвероногих – эта первая такая спокойная!

Зато соседский мальчишка, который часто ездил с отцом на охоту, завидев Мотю, обыкновенно кричал:

– Мотя – норная собака! На охоте – забияка!

Но однажды случилось то, что Розалия Ивановна так и не смогла простить соседу и впоследствии на его приветствие сухо отвечала лишь кивком головы.

На лис предпочитали охотиться в дождливую ветреную погоду, когда звери охотно прячутся в своем жилище. Подходили к обнаруженной норе с наветренной стороны, без шума, визга и лая. Все отверстия закрывали сетями, чтобы зверь не прорвался наружу, но одно открытое отверстие было специально оставлено для запуска собаки. Если Мотя подавала голос, охотники в прямом смысле залегали на землю и, приложив ухо, слушали, как работает собака. Помощники раскапывали нору, помогая и подзадоривая собаку, потому что все зависело только от нее – загнать зверя в тупик, откуда их вместе будут откапывать или лаем заставить лису выскочить из норы в приготовленную сетку – кошель, перекрывающую выход.

Мотя в тот злополучный день выскочила из машины без передатчика. Погоняла по полю, не отзываясь на команды, и вмиг отыскала лисью нору. Показалась из норы через полчаса и снова «понурилась» – и так еще два часа. Сев зве-

рю на хвост, она не могла покинуть нору, даже будучи серьезно раненной. По звукам, доносившимся до охотников, было ясно, что лиса загнана в тупик. Через два часа рыжая плутовка выскочила прямо в приготовленную сетку, а Мотя вышла победительницей, добывшей зверя, но с серьезными травмами. Кроме ссадины и большой раны на спине, всех испугал глаз... Думалось, что спасти его не удастся, но ветеринар успокоил: обратились вовремя, все наладится, будет видеть!

Розалия Ивановна, увидев «одноглазую» Мотю с пиратским забинтованным глазом и драной спиной, схватилась за сердце и долго причитала. Потом долго лечила таксу, отводила к знакомому ветеринару и обвиняла соседа во всех смертных грехах. С Юрием Александровичем первое время не здоровалась вовсе, решительным образом поставив точку в Мотиной охотничьей карьере.

– Взял здоровую – вернул израненную, еле выходила, – рассказывала подруге Розалия, – а ему хоть бы что! Лису мне эту показывал – смотри, мол, какая знатная! Я и глядеть-то не стала. Его-то Ада здоровая вернулась... ему меня не понять! Ишь чего удумал!

Глава 2

Шеф требовал нарядить елку уже третий день, но Аня не хотела ни праздника, ни новогодних украшений. Тот сердился, грозился всех уволить, «ходите, как сонные мухи», «кто не хочет работать – я не держу», но на Аню это не действовало. Она хотела только спрятать от клиентов отекавшее лицо, опухшие глаза и сделаться на время невидимкой. Пусть ее только никто не замечает! И она никого не хочет видеть и ничему сейчас не удивится. Вот вошла бы сейчас, как в прошлом году перед концертом, популярная певица Н. – она бы и не выразила удивления, даже с места не встала бы.

Аня ходила уже неделю в одном и том же свитере и в первых, под руку попавшихся, джинсах. Не могла себя заставить привести в порядок волосы и натянуть на лицо улыбку. Утром просыпалась, с чувством, что и не засыпала во все, оглядывала заброшенную квартиру с небранными тарелками на столе, с запахом несвежей еды, с разбросанной одеждой и медленно умирающими цветами на подоконнике – и ничего не могла с этим сделать. Вставала под душ, съедала безвкусную овсянку, запивала зеленым чаем и бросала посуду в раковину, где еще было место. Подхватывала сумку, натягивала капюшон и шла привычным маршрутом на работу.

Ранние клиенты, шумные прохожие, скользкие улицы, даже новогодняя музыка из соседней кофейни, где падают самый правильный, на их взгляд и взгляд большинства посетителей, кофе – раздражало все. Прежде снег накануне Нового года порадовал бы, вернул в детство с ожиданием праздника и подарков, но теперь ничего этого было не нужно. Ни завораживающий голос Амстронга, ни горячий шоколад с кусочками машмеллоу в любимой кофейне не могли заставить ее остановиться.

Весь рабочий день, длившийся бесконечно, Аня опускала голову над бумагами или невидящими глазами смотрела на экран компьютера и делала вид, что работает, радуясь, что с клиентами не нужно вести длинных разговоров. Оформила платеж, занесла данные, выдала карточку постоянного посетителя – и свободна. Старожилы все знали сами, и им можно было только кивнуть и не общаться, сославшись на нездоровье. А лучше еще было бы маску надеть – тогда точно никто не подошел бы близко.

Весь долгий день она терзала себя вопросами: почему это случилось со мной? Что я сделала не так? Почему именно сейчас, под Новый год?!? Аня не знала, что было бы лучше – чтобы он ушел окончательно, забрав все свои вещи, уже несколько дней как сложенные им в чемодан и сумку («а пришел с полупустым рюкзаком», – не могла не подметить обиженная женщина) или чтобы остался еще сегодня... Чтобы можно было убедить его, поговорить, объяснить, что он со-

вершает ошибку!... Еще один изматывающий душу вечер, полный уже никому не нужных слов и оскорблений, с дорогой в никуда.

Неделю назад он сказал, что уходит: я тебя больше не люблю и не знаю, любил ли, жить так неправильно, обманывать тебя больше не хочу, все прошло... И больше никаких объяснений. Каждый вечер он снова возвращался домой, перебирал собранные вещи, плакал, сидя в куртке за столом, говорил, что она ни в чем не виновата, только он – и не уходил.

Первые дни были похожи на удар обухом по голове: все три года их совместного проживания Аня считала их семьей и была рада, что никаких особых конфликтов у них не возникало. Жили, как все: работа, дом и поездка к морю раз в год. Правда, в последний раз он ехать не хотел, ссылаясь на сложности на работе и отсутствие средств, но Аня была экономной хозяйкой и всегда знала, как из одной курицы приготовить четыре блюда. Мама работала поваром, и в их семье знали толк в еде. Традиционное «первое», «второе» и выпечка к чаю были на столе всегда. Сэкономив на еде и удовольствиях пару месяцев и взяв дополнительную работу, она смогла его убедить все-таки съездить к морю в начале сентября. И непонятно, почему раньше не выбирались осенью?

Море было спокойное, тихое, ласковое, нагретое за жаркое лето и постепенно остывающее от зноя, готовящееся к предстоящей осени. Чистая вода отражала солнеч-

ные лучи, теплый песок приятно грел ноги... Сколько их, песчинок под ногами? Число, не доступное человеческому разуму. Кожа день ото дня покрывалась золотым загаром, но Аня была – как бы это сказать – немного равнодушна, глуха к природе и прочим сентиментальностям... Некоторая нечуткость, недоразвитость чувств что ли... Но сама молодая женщина так о себе не думала, мнение друзей не разделяла – считала, что твердо стоит на ногах и не летает в заоблачных далях. Она радовалась сладкому ничегонеделанию, читала глянцево-журналы, валялась на лежаке, подставляя тело мягкому солнцу, ела мороженое и думала, как будет рассказывать подружкам о сентябрьском отдыхе.

Но он вел себя странно – сейчас она готова это признать определенно – все его раздражало, сердился по пустякам, но тогда Аня объясняла его нервозность сложностями на работе. И хлеб она не так режет, и колбасу купила невкусную, и в номере душно, и на экскурсию он не поехал, сославшись на головную боль.

В последний вечер они всегда ходили в ресторанчик у моря – такая была традиция. Насмотреться на целый год, еще раз напиться морским воздухом, чтобы вспоминать всю долгую зиму и мечтать о следующем лете. Обычно выбирали ресторанчик с живой музыкой и открытой террасой, но в этот раз и последний вечер не удался. Сильный ветер вдруг всколыхнул безмятежное море, голубое небо в одночасье стало серым и грозным, и величественные волны ста-

ли биться о берег с силой огромного зверя, то накатываясь и принося с собой множества камушек и ракушек, то отступая вновь и забирая свои дары. Счастье тихого моря уступило место красоте силы и необузданности природы. Чувствовалось, что тяжелые тучи скоро разразятся дождем, и им захотелось в номер. Они даже не танцевали, не делали фотографий на память – отужинали и ушли. Едва находя тему для разговоров, обсуждали в основном кухню, а потом как-то сразу засобирались, чтобы хорошенько выспаться перед восьмичасовой обратной дорогой. Анюте бы задуматься еще тогда, но она не допускала мысли о дурном и всегда находила объяснение его поступкам и отсутствию настроения...

Почему после тринадцати лет распался первый брак, Аня говорить не любила, но вторые отношения возникли как-то случайно, и очень скоро, без свиданий, цветов и конфет, они стали жить вместе. Кого это удивляет в наше время, когда все так стремительно меняется, торопится, спешит, и люди не хотят тратить время на бесполезную романтику и ненужные ухаживания? «Нет, возможно, в пятнадцать лет это и нужно, но когда тебе уже тридцать пять и за спиной большой жизненный опыт! – думала Аня и, надо сказать, находила поддержку своих многочисленных подруг, – А любовь... все это глупости!»

Села как-то в дождливый день в такси, разговорились с водителем, а через неделю они уже вместе подыскивали квартиру. Анютины родители такой спешки не одобряли.

Куда им, прожившим сорок лет вместе и смотревшим на мир сквозь призму советской морали! Но Аня так спешила съехать, устав от странных вопросов и ненужных советов («будь дома в десять», «куда идешь?»), «ты там смотри – не пей!»), что поступила, конечно по-своему. Основное обговорили сразу, еще на берегу. Квартиру и продукты будут оплачивать поровну, дети никому из них не нужны. У Андрея есть уже десятилетний сын от первых отношений, которого он видит нечасто, а у Ани материнского инстинкта нет, не было и никогда не будет.

– Не спешите осуждать, – говорила она подругам, – цветы и домашних животных тоже любят не все, но не бояться в этом признаться. А почему-то мои честные слова шокируют многих! Да, я не люблю эти «муси-пуси», не понимаю младенцев, не хочу с кем-то делать уроки – и что же, я – преступница!?

– Нет, конечно, – отвечала Маринка, беременная во второй раз, – я тоже так думала о себе, но, как только увидела «мелкую» поняла, все было сплошной болтовней! Вот родишь – и посмотришь!

– Да не хочу я вести ребенка в школу, когда мне будет почти полтинник! Я лучше поживу для себя. Вот у Андрея есть сын и что – он счастлив от этого? Бывшая не дает видаться, деньги вечно требует, ребенок смотрит на него волком.

– Нет, ты не понимаешь, от чего отказываешься! – не сдавалась подруга.

Правда, сейчас, в минуту отчаяния и одиночества, накануне самого семейного праздника в году, Анята говорила себе, глядя в зеркало:

– Ну вот... в тридцать восемь лет не нажила ни ребенка, ни котенка! И зачем мне этот Новый год? Страшная такая, краше в гроб кладут!...

Глава 3

Спала Розалия Ивановна с годами все хуже и хуже. Страшный сон, связанный с детскими воспоминаниями, обычно являлся без предупреждения. Не был связан ни с давними тревогами, ни с беспокойством, ни с ухудшением самочувствия. И этой ночью она опять видела того солдата, истерзанного и распятого, как Христос, в прилипшей гимнастерке с темными пятнами, с кровоточащими ладонями и ступнями. Русые волосы потемнели, кровь струйками стекала по лицу, и было неясно, жив он или уже нет, но для беглого взгляда маленькой девочки это было и не нужно. Страшная картина необыкновенной жестокости – противная человеческому разуму война.

Папа погиб в первые дни войны. Двадцать шестого июня 1941 гитлеровцы захватили Даугавпилс, двадцать девятого – Лиепаяу, а первого июля после двухдневных боевых действий – Ригу, где служил папа и они жили вместе с мамой-тетей. Так ее иногда называла девочка, но чаще, конечно, мамой. Ее биологическая мама умерла при родах, а черно-белая фотография юной белокурой девушки в светлом платье и с сумочкой в руке – все, что осталось дочке в память о маме. Взрослея, Розочка думала, что сейчас она старше, чем когда-то была мама на фотографии – нежное, открытое лицо,

слегка выющиеся пряди волос и слегка прищуренный от яркого солнца взгляд. Папа был военным, и от него у пятилетней девочки тоже сохранилось только одно, самое яркое воспоминание детства, которое она берегла.

Домой, на юг России, добирались почти год. Эвакуация была организована лишь для части населения, поскольку транспорт для выезда предоставляли лишь командирам и коммунистическому руководству. Остальные уходили стихийно, взяв только необходимое и ценное – то, что можно было продать или выменять на продукты.

– На юге тепло и солнечно, много фруктов и овощей... там нас ждут бабушка и дедушка, – говорила тетя, когда девочка уставала, капризничала или спрашивала о папе, – потерпи немного, нужно дойти.

Когда именно они поженились, девочка не знала, но была благодарна тете, очень ее любила и жалела ту мамочку, которая на небесах.

Ушли, надо сказать, вовремя, пока не было ни двадцати трех концлагерей, ни восемнадцати еврейских гетто. Боясь полицейских батальонов и немецких спецслужб, шли сами, просясь на ночь на постой к добрым людям, опустошая чемодан с припрятанными серебряными ложками и янтарными украшениями, выменивая их на продукты. Мама рассказывала дочке сказку про дочерей солнца и про окаменевшие слезы Гелиад, но ей просто нравились эти красивые медово-солнечные камушки и было жаль с ними расставаться. Де-

вочка, конечно всего этого помнить не могла – это детская память стерла, сохранив лишь долгую дорогу, чувство голода и чужие дома, неуютные пристанища.

И вот однажды, в каком-то белорусском селе, тетя увидела нечто такое, что испугало ее до смерти и она сразу закрыла Розочке глаза теплой ладошкой, потащив девочку дальше по пыльной дороге, вместе с другими беженцами:

– Не смотри! – кричала она. – Не смотри туда, доченька!

Но любопытство одержало вверх, и она, вырываясь и оглядываясь все же назад, увидела то, что забыть невозможно. Истерзанный, измученный пытками солдат, почти мальчик, распятый в назидание всем, являлся к ней всю жизнь как самый страшный сон, вместе со словами тети «Не смотри! Не смотри туда, доченька!», уводящей ее дальше, по дороге домой...

Сегодня она опять видела этот сон, который не старел вместе с ней, а сохранял все те же подробности. Она встала выпить воды, погладить Рыжика и Мотю, стороживших ее дом и сон.

Когда не спалось, вместе с бессонницей приходили детские воспоминания, которые только со временем стали складываться в единую целостную картину. Мама по возвращении домой устроилась медсестрой в госпиталь и в Институт Механотерапии. С начала войны в городе-курорте уже рабо-

тало восемь крупных госпиталей.

Бабушка с дедушкой повздыхали, поплакали, увидев дочку и внучку отощавшими после долгой дороги, и стали их потихоньку откармливать. Особых вкусностей Розочка и не помнит, но дедушкин сад с виноградником и яблочными деревьями казался ей райским. Бабушка сразу повела их с мамой в городскую баню и, намыливая девочке голову чем-то пахучим, украдкой вытирала слезы, приговаривая «сиротинушка ты моя», «кожа да кости», «слава тебе, Господи, что дома». Дедушка всех входящих в дом угощал вином – такая у него была традиция. Розочка морщила носик, когда ей давали выпить немного домашнего вина, разбавленного водой («для здоровья»). Бабушкина перина казалась воздушной и пышной, наволочки и простыни – хрустящими, и девочка засыпала мгновенно, как только голова касалась подушки. На стене тикали и отбивали каждый час большие часы – их заводил только дедушка – пахло бабушкиными лепешками из кукурузы, а взрослые вели свои нескончаемые разговоры о войне и о том, как много раненых прибывает в южный город каждый день.

Все санатории и медицинские учреждения были переоборудованы в госпитали. Местные жители помогали всем, чем могли. Механотерапия тоже трудилась над восстановлением бойцов Красной Армии. Туда мама бегала после смены в госпитале, иногда забирая Розочку с собой. Девочке это не нравилось: непонятные аппараты пугали ее, казались похожими

на орудия пыток. Другое дело – с мамой в госпиталь! Раненые были добрыми; даже те, кто перенес несколько серьезных операций, не видел или не мог ходить, очень радовались приходящим детям. И не только потому, что они помогали поправить подушку или принести воды: они напоминали о доме, растущих где-то детях и младших сестренках-братишках. Розочка и ее старшие подружки помогали раненым писать домой письма, читали им местные газеты и книги, рассказывали о новостях в городе. Солдатики взамен припасали кусочки сахара или яблочко, а кто-то даже мастерил деревянные игрушки. Розочке однажды досталась маленькая птичка, ее девочка любила и, засыпая, крепко держала в кулачке. Она не рассказывала никому, что в душе надеялась и верила: папа жив, он тоже лежит в каком-то госпитале, вот только домой написать пока не может.

А в конце июля 1942 года немецкие захватчики подошли к городу так близко, что началась срочная эвакуация госпиталей. Брат маминой подружки Вали, пухленькой веселушки, после тяжелого ранения находился в госпитале соседнего города. Родственники радовались такой возможности и часто навещали Пашу. Он был контужен, перенес несколько серьезных операций, правую ногу пришлось ампутировать, но все-таки был живой! Как-то родные, возвращаясь домой полями на гужевой повозке, увидели, как город стали бомбить с самолетов. Больше о Паше они так ничего и не узнали, и тетя Валя часто плакала и радовалась одновременно, ведь

все-таки успела повидаться с братом.

Мама рассказывала, что те раненые, кто мог, уходили в пижамах и тапочках сами, а вот с лежачими было непросто. Их местные жители стали разбирать по домам и прятать по чердакам и подвалам. Но брали раненых, конечно, не все. боялись за себя и близких. С первых дней оккупации немцы потребовали немедленной выдачи раненых. То, что соседи прячут двоих, девочка не знала – и слава Богу! Спала спокойнее и не тревожилась за маму. По ночам молодая женщина ходила к ним, помогала кормить, перевязывать, выносить ведра, мыть солдатиков. Дедушка готов был забрать одного в свой дом, но у них не было ни чердака ни подвала – вот такой бесполезный дом, ворчал дедушка... только сарай в дальнем углу сада. Один из раненых был студентом, всегда просил книги, а когда они кончились – перешел на местные старые газеты. Так ему и переносили все то небольшое, что было в их доме. Мама уходила, когда Розочка уже спала и возвращалась за полночь. Берегли детей, и правильно делали, боясь, что разболтают... ненароком, в игре, потому что каждый был за себя и очень боялись тех, кто может выдать.

Тот день, когда немцы вошли в город, шестилетняя девочка помнить, конечно, не могла, но ребята постарше, живущие в соседних домах, помнили прекрасно. 11 августа 1942 года жара стояла страшная, на дорогах – пыль столбом и дым от пожаров. Уходя, наши войска подожгли элеватор, консервный завод и старую мельницу – чтобы ничего не до-

сталося врагу.

Немцы появились в полдень. Прогрохотав по булыжной мостовой улицы Володарского, три бронетранспортера свернули на Кисловодскую и остановились у гостиницы «Маяк». Из-за дворов ближайших домов с опаской стали выглядывать люди, сбежались любопытные подростки и женщины. Наиболее смелые из них стали вести разговор с немцами. Те говорили о ближайшей победе Германии и скором окончании войны. Потом, гордые и дерзкие, они двинулись вниз по улице Интернациональной, в сторону рынка, постреливая над головами людей из автоматов. Люди с испугом метались по улице – немцы громко хохотали. А уже на следующий день у ворот курортного парка появился огромный плакат с требованием сдать оружие – за неповиновение грозили расстрелом. И другое требование: «Всем лицам еврейской национальности срочно пройти регистрацию». На лучших зданиях города появились фашистские флаги со свастикой, а на улице Советской поместилась Управа Бургомистра, которым стал бывший учитель второй школы. Несколько немецких госпиталей открылось сразу. Русским не доверяли, и там работал только немецкий персонал. Подростки рубили дрова, разгружали фургоны, но лечили только немцы. Много раненых гордо разгуливали по городу, а умерших хоронили за железнодорожным полотном, в Английском парке. Много лет спустя, во времена перестройки, немцы приезжали в южный городок, чтобы забрать прах на историче-

скую родину.

Мама рассказывала, что немцев было немного: больше румын, итальянцев и других солдат из оккупированных стран. Уже десятого октября у горы Бештау было расстреляно около двух тысяч человек, большая часть которых носила желтую шестиконечную звезду Давида. Их собрали в школе и продержали несколько дней, приказав явиться на сборный пункт с документами и с двадцатью килограммами груза для переезда в новое место. Мама, рассказывая, всегда плакала, потому что среди них была ее подруга, Ида Иловайская, эвакуированная из Ленинграда в начале войны вместе с тремя детьми. Молодые женщины успели подружиться, и мама носила в школу еду Иде и ее детям. В последний день полицай ее не пропустил: грубо оттолкнул и смачно выругался, назвав «жидовской подстилкой». Мама стояла неподалеку, надеясь все же передать что-то подруге, но увидела, как подъехали три крытых грузовика. Всех взрослых погнали туда, а дети уехали в отдельной машине, которую потом прозвали в народе «душегубкой»... зверское изобретение, травившее отработанным газом. Мама успела прокричать Иде «Где дети?» – та что-то ответила, вытирая слезы, махнула рукой на прощание, и машина увезла их по пыльной дороге в сторону Минеральных Вод. Все они были похоронены в противотанковом рву, в районе Стекольного завода... и Ида, и ее дети. Мама до конца своих дней, вопреки всем религиозным

правилам, молилась за упокой души Идочки и трех ее чад... Розочка, слыша разговоры со стороны, немцев боялась до одури. Как-то раз, увидев вошедшего в дом немецкого офицера, по-хозяйски осматривавшегося вокруг, встала как вкопанная. Дедушка отдал тогда гуся и несколько яиц, а девочка, несмотря на то, что немец оказался совсем не таким уж злым и даже ласково потрепал ее за волосы, что-то говоря на своем, ночью впервые увидела тот сон. Она плакала во сне, звала маму, проснулась мокрая, от своего же крика и, хотя ее умыли, успокоили и освятили святой водой, так и не смогла прогнать ужас от увиденного туда, в область небытия, откуда он пришел, и носила его с собой долгие годы.

Глава 4

Эти дни так измотали Анюту, что она была даже рада, что он наконец ушел. Ей хотелось определенности, было стыдно за свое унижение, и она, возможно, только сейчас осознав, что к прошлому возврата нет, была рада, что он принял наконец решение, прекратив эту череду изматывающих душу вечеров.

Сейчас ей было стыдно за свое поведение, за то, что цеплялась за него, будто не слыша того, что он хочет ей сказать. Спрашивала, в чем ее вина, просила прощения, молила образумиться, но все было впустую он повторял «не люблю больше», «не хочу обманывать», и она, уставившись на экран компьютера на работе, спрашивала себя: «Что это такое – любовь? Зачем она нужна? Жили же спокойно и так хорошо – чем ему не семья?»

Сейчас понимала, что зря унижалась, надо было выставить в первый же вечер с вещами на улицу, надо было... но не могла, потому что как обухом по голове... накануне Нового года, когда уже составила меню праздничного стола и потихоньку покупала продукты.

Зайдя в пустую квартиру, вдруг увидела и неприбранную постель, и раковину, полную грязной посуды и себя-замарашку в зеркале. То ли злость в ней какая-то верх взяла, что ли инстинкт самосохранения сработал – захотела все

убрать и вычистить, будто и не было его здесь никогда.

Про себя Анята все знала: она сильная, прочно стоит на ногах, в облаках не летает, справится и с этим... обязательно! Поэтому первым делом поменяла постельное белье – в стирку его, пусть не останется даже запаха, даже следов его пребывания! Выбросила пепельницу, полную окурков – никогда ведь не курил дома – и внимательно осмотрела две комнаты их съемного жилья. Нет ли оставленных Андреем вещей. Нет. Ни зубной щетки, ни майки – долго готовился, неделю собирал вещи, сквозь слезы и рыдания за столом.

Потом бросила в стирку свои джинсы и свитер, в котором ходила неделю, нашла чистую футболку и шорты. Вспомнила, как купила их в сентябре, в магазинчике у моря, где продавалось великое множество никому не нужных в обычной жизни вещей. Задумалась на минуту, все же надела. Включила любимое радио и пошла на кухню мыть посуду.

– Видела бы мама эту грязную гору, – подумала Анята, вдруг улыбнувшись, – с ее-то отношением к кухне!

Из радиоприемника доносилась знакомая песня, которую слышала много раз, и только сейчас обратила внимание на слова... В них было именно то, что она хотела сейчас услышать:

И совершенно случайно мы взяли билеты
На соседние кресла на большой высоте...
Мое сердце остановилось,
Отдышалось немного...

И снова пошло!

Анюта вымыла все, даже умывальник, унитаза, ванну, протерла подоконники, выбросила старые хозяйственные губки, полупустые бутылочки с лосьонами и шампунями, грязные полотенца отправила в стирку, достала новые, вытерла кухонный стол со следами всех недельных завтраков и ужинов и поставила чайник. Пока заваривался чай – сегодня ей хотелось успокаивающий, с ромашкой, – и проветривалась квартира, она занялась полом. На часах было почти двенадцать, когда она обрадовавшись чистоте и свежести, лежала в ванной, уставшая, но вместе с тем успокоившаяся, с прояснившимся взором. Теперь не думалось ни о том, какая она несчастная, ни о том, как вернуть Андрея – просто вспомнила, что завтра надо бы перезвонить наконец Маринке, объяснить родителям, что произошло, и съесть перед сном хотя бы йогурт.

Она знала, что спать будет сегодня хорошо. Свежая, причесанная, она лежала на голубой простыне в белую ромашку и почти засыпала, тогда как вспомнила что-то, обхватила руками вторую подушку и тихо заплакала. Тихо и недолго – скоро пришел спасительный сон, который все сгладит, все выправит и поможет начать жизнь сначала.

Глава 5

Сегодняшней работе Розалия Ивановна радовалась: хотя бы на несколько часов в день чувствовала себя нужной и могла забыть о том, что всегда называла «моим концлагерем». Шефу, грозному на первый взгляд кавказцу, но на самом деле доброму и все понимающему человеку, была благодарна безмерно. Знала: держит ее по доброте душевной и из уважения к ее сединам, поэтому всегда старалась задержаться дольше обычного, что-то постирать, заварить чай, ведь с нее не убудет, а девчонкам – в помощь. И убирала тщательно, стерильно, как в операционной, а закончив, запускала стиральную машинку, белье аккуратно развешивала и даже чай «молодежи» наливала – свой, то с мятой, то липовый, по рецепту от старой Марты. Вот только аквариум – огромный, дорогой, с рыбами страшнющими – обходила стороной. Сразу предупредила: менять воду и чистить его не будет, боялась что-то не так сделать и, как известно, очень была брезглива. Увидев как-то, как рыбы заболели и стали разлагаться, терять кусок за куском, как глаза их заволкло пленкой – подходить перестала вовсе.

Сегодня выведет своих собак раньше обычного – и на работу. Анята ходит сама не своя вот уже несколько дней, Маша болеет, а елку поставить надо, шеф сердится.

Снежок под ногами приятно похрустывал, искрился иней

на деревьях, природа радовалась снегу. В центре города, на Театральной площади красовалась огромная елка с серебряными звездами и яркой гирляндой. Бутафорские сани и домик Деда Мороза светились праздничными огоньками. Ранним утром площадь еще пустовала и принадлежала только ей, Моте и Рыжику, которые, вопреки преклонному возрасту, снег очень любили. Молодцы сразу, играли, как глупые щенки, бегали друг за другом, валялись в снегу, зарывались носом в холодную белую вату и пробовали ее на вкус. Розалия Ивановна и сама молодела: вспоминала детство, то давнее ожидание чуда и радость от предстоящих праздников и мгновенно забывала о болячках и невзгодах.

Собаки заигрались у входа в парк и догнали ее чуть позже, все же не отпускали хозяйку надолго из вида. Центральная аллея вела мимо четвертого источника к Механотерапии и, гуляя здесь, Розалия Ивановна всегда вспоминала время оккупации, 1942 год, когда фашисты грабили лечебные учреждения, уничтожали людей и устанавливали свои порядки.

Хотя Цандеровский Институт Механотерапии, построенный еще в 1902 году, было решено отправить в тыл вместе со всеми тренажерами шведского ученого Густава Цандера, этого не удалось сделать. Мама бегала на работу в госпиталь и в Механотерапию вплоть до самой оккупации. Советская власть ушла из города на два-три дня раньше, чем пришли немцы. И эти дни были поистине грабительскими: местные жители опустошали все, что было брошено при отступлении.

Склады, магазины, санатории, но не Механотерапию. Не позволил один человек. Звали его Евдоким. Он, по словам жителей, работал в Цандеровском институте с раннего детства. Поначалу – мальчишкой на побегушках, а потом, благодаря своему упорству, знаниям и сообразительности – механиком-инструктором. Тихий и добродушный человек, он так любил свое дело, что не было никого, кто не уважал и не ценил бы его. Чувствуя свою ответственность за сохранность аппаратов, Евдоким решил их спрятать, но это было нелегко. И тогда он нашел выход: разобрал уже готовые к эвакуации аппараты на части, замаскировал их в подвале под кучу металлолома и для пущей убедительности засыпал мусором. Немцы искали аппараты, но копошиться в мусоре им в голову не пришло. Так и пролежали они разобранными в подвале института, пока советские войска не освободили город. Поговаривали, что Евдоким не только собрал аппараты и установил на положенное место, но и позднее сам изобрел два тренажера, удачно вписавшихся в «цандеровскую» коллекцию. Евдоким прожил долгую жизнь и до самых последних дней приходил в любимую Механотерапию проверить, все ли работает, нет ли проблем...

А теперь стоит она красавицей, похожая на сказочный замок. Нарядная, украшенная купольными башнями и деревянными резными шпилями с ажурным фасадом. Она, яркая и заметная, с элементами русского зодчества, уютно вписалась в курортный парк.

Глава 6

Через пару дней вдруг позвонила бывшая свекровь или правильнее, наверное, будет назвать ее матерью Андрея. Женщина странная, Анюте не понятная. Лет Любове Ивановне было около пятидесяти пяти, веса в два раза больше и полное отсутствие желания выходить из дома. Она могла не выходить на свежий воздух неделями, даже магазин во дворе не давался ей. Так и жила вместе с восьмидесятилетней матерью, тоже неподъемной, и вредным котом, уверенным, что он здесь единственный мужчина и значит – главный.

Однокомнатная квартира давно нуждалась в хорошем ремонте и в генеральной уборке, но обитатели так, похоже не считали. Аня очень редко заезжала к свекрови с Андреем: как правило, передать продукты или лекарства. Она дальше порога почти никогда не проходила. Не то, чтобы мешал запах или брезгливость не позволяла выпить чашку чая, просто никто не приглашал и не предлагал.

Обои свисали ненужным тряпьем со стен комнаты, кровать и диван были застелены множеством одеял сомнительной свежести и увенчаны как короной, несколькими подушками. Как в сказке про принцессу на горошине – думала Аня. Серый кот определенно чувствовал себя полноценным хозяином и мог озорства ради или просто так оставить

«подарочки» где угодно. Возможно, он так выражал свое внутреннее «я». Как водится у всех котов, он уходил и возвращался, когда ему вздумается. Андрея он не любил. Тот однажды обидел злопамятного кота грубым пинком, и животное не упускало возможности нагадить в его ботинок. Пол ванной комнаты представлял собой настил из деревянных досок, шатающихся при ходьбе, на стенах плодилась плесень, но пожилые женщины, похоже, не чувствовали запаха, не тяготились неприглядностью собственного жилья. Анюте всегда хотелось широко открыть окна на балконе, заваленной грудой мусора и белья, которое Любовь Ивановна собиралась постирать весной, и впустить свежий воздух в эту ветхую обитель. А потом выбросить все ненужное, убрать, вымыть стекла и... отправить Любовь Ивановну на работу, но это была не ее мама. Андрей, такой щепетильный по части еды и внимательный к собственному гардеробу, не комментировал происходящее никак и вмешиваться Ане не позволял. Однако сам в квартире матери долго не задерживался.

Любовь Ивановна, раньше времени записавшая себя в старухи, любила говорить о себе в третьем лице:

– Сыночек, мама выйти на улицу не может... привези молочка и хлебушка ей и бабушке.

– Сыночек, яблочек хочется... Будешь проезжать мимо – завези маме.

Разговоры с самой Анютой были еще короче, поэтому молодая женщина удивилась, услышав при таких обстоятель-

ствах голос Любви Ивановны:

– Анют!... Ты как там? Смотри: ничего с собой не сделай! Пришел с вещами весь сопливый. Вот так же он и рыдал, когда от Ксюхи ушел из Мин-Вод, и от Натахи из станицы, и от той, с цыганской кровью... забыла, как ее звали... Два года – и все! Домой, к маме. Ты смотри там, мужики не стоят того! Держись Анют... А где я ему постелю? Мы с бабкой вдвоем ютимся... только топчан на лоджии. Ну пусть живет... Сыночек, как – никак... Звони, если «че»... Кот опять бабке на покрывало нагадил...

Не закончив разговора, женщина положила трубку, а Анюта подумала: как колобок, сбежал от всех, и от Ксюхи, и от Натахи, и от Анюты, и от той, безымянной.

Обида отступила, на смену пришла злость: на него, на себя за собственное унижение.

Глава 7

Сильная засуха сорок шестого года уничтожила почти весь урожай и привела к голоду. Спасали продуктовые карточки и дедушкин сад-огород. Земля потрескалась и жила в ожидании дождя. Дедушка, относившийся к деревьям как к людям, жалел их, уговаривал потерпеть и носил из почти засохшего колодца воду. Сад поливал ранним утром и поздним вечером. Розочка однажды спросила дедушку, почему дождевые черви вылезают на поверхность, как только пойдет дождь. Дедушка отшутился:

– Слышат, как капли стучат по земле и выходят.

Розочка, чуткая от природы ко всему живому, помогала дедушке и жалела червячков: отодвигала камушки, старалась заглянуть в щели сухой потрескавшейся земли... как они там? что пьют без дождя? что едят?

Бабушка творила чудеса и готовила из овощей все, пуская в ход и вершки и корешки. Мама снова работала медсестрой и возвращалась поздно вечером, уставшая и молчаливая, от ужина обыкновенно отказывалась. Они по-прежнему спали с Розочкой вместе, на бабушкиной перине обнявшись, страшный сон не возвращался, и Розочка надеялась, что это навсегда.

Днем пообедав борщом из крапивы и хлебом, напоминавшим глину, девочка вместе с другими ребятами отправля-

лась на поиски чего-то съестного. Яблоки в колхозных садах, свежие початки кукурузы – дома Розочке доставалось, но кукурузные лепешки получались такими вкусными! Но, пожалуй, самым вкусным угощением была для девочки горбушка свежего черного хлеба с вдавленным пальчиком углублением в самом центре мякиша! А внутрь... внутрь добавлялось пару капель пахучего растительного масла. С такой вкусной горбушкой можно было бежать на улицу и гулять до самой ночи, но такое случалось редко.

Отovarивать продуктовые карточки и выстаивать очереди было в ту пору не так-то просто. Длиннющие очереди занимали с раннего утра, и как правило, это ответственное дело доверяли детям. Смышленная и бойкая Розочка, простояв как-то несколько часов за хлебом, вдруг испытала странное чувство: вначале она перестала слышать, шумное разноглосье очереди исчезло вмиг, толпа замолкла, как в немом кино. А потом, так же внезапно, как и слух, пропало зрение и девочка провалилась в сон. Может быть, солнце начало припекать, а может сказались особенности растущего организма – но очнулась она в машине, где ее подбрасывало вверх и вниз. Она лежала в открытом кузове и смотрела в небо – всегда новое и такое разное, с бегущими облаками и смыкающимися сводами зеленых деревьев. Это было совсем не то небо, что Розочка видела лежа на траве в дедушкином саду. А рядом сидел молоденький милиционер с добрым лицом и голубыми-голубыми глазами. Ее лицо залилось краской:

– Ну, очнулась? Че ж ты так падаешь, как подкошенная? – улыбнувшись, сказал он.

– Ну, лежи, лежи... домой тебя везем.

И девочка запомнила не голубое небо над головой, не эту необычную для нее поездку, даже не карточки, которые заботливо вложил ей паренек в руки (ведь это чудо было, что вернули, обычно потерянные пропадали!), а то, что ей было стыдно за босые грязные ноги и заштопанное бабушкой белье. Кто же знает, как именно она упала... вдруг видел кто?

И она всю дорогу домой старалась опустить короткий, из маминого платья перешитый, сарафан как можно ниже, спрятать грязные, чумазные ступни под ветошь, на которую ее положили и притвориться спящей. Стыдно, стыдно-то как, Господи!

Глава 8

Накануне Нового года Ниночка сделала сама себе подарок – не простой, а с обязательствами. Купила наконец месячный абонемент в тренажерный зал, решив, что теперь-то уж точно займется собой. Она знала, что не при каких обстоятельствах не отважится по доброй воле оторваться от домашних дел, доставляющих ей удовольствие, и от четырехлетнего сына. Уговоры подруг, убеждения мамы, всегда, надо признаться, готовой повозиться с внуком, не действовали. Мужу она нравилась всегда – стройной, как лань, и слегка округлившаяся после родов (он называл ее с любовью «сдобной булочкой», а она в ответ «сухим коржилом», сравнивая его стройное, поджарое тело с жестким коржилом из школьной столовой), поэтому причин будто бы и не было, но сама Нина знала, что пора... Тяжело стало подниматься на четвертый этаж без лифта, болела спина, носить себя такую было непросто, удовольствия не доставляло. Скоро, в конце января, должна была выйти на работу, обновить гардероб, а услышать от анорексичных продавщиц в магазинах одежды «у нас только до сорок восьмого» не хотелось. Она, признаться, стеснялась заходить в яркие, роскошные, ослепляющие своей рекламой торговые центры главным образом из-за этих ухоженных, прекрасно одетых, искусно подкрашенных «консультантов» – всегда чувствовала себя в их присут-

ствии неполноценной.

Из-за многих лет, проведенных в боли и ожидании, она потеряла интерес к моде, внешнему виду и покупала одежду только по необходимости. Приоритеты были совсем другие. Гормональная терапия, анализы, клиники, врачи, обнадеживающие, но по большей части ставившие вердикт «бесплодна» – все это было в жизни Нины. Долгих восемь лет. Но тогда она работала, и это немного отвлекало, но вечером, когда они оставались с мужем вдвоем, тишина пугала и лишала ее сна. Она поняла, что дошла до точки, когда на седьмом году ожидания, услышав от врача, что опять ничего не получилось, она, не видя под собой ног, не слыша ни пения птиц, ни шума проезжавших автомобилей, оказалась в небольшом скверике перед старым фонтаном.

Несколько молодых мам с детьми сидели на соседних лавочках, расставленных вокруг фонтана, с упоением отдавались разговору, довольные тем, что их дети, малыши приблизительно от трех до пяти лет, сами нашли себе занятие. Мальчик в зеленом комбинезоне размахивал автоматом, трещащим без остановки, а другой, в яркой курточке и темных джинсах, прятался от него за деревьями и уже зеленеющими клейкой листвой кустиками. Нина любила весну – это ярко-зеленую траву с желтыми одуванчиками, еще не палящее, мягкое солнце и ожидание чего-то нового, удивительного, которое непременно придет, свершится, сбудется!

Но сейчас, измученная ожиданием и разочарованием, она

ничего этого не видела и ни во что не верила. Нет, конечно, знала, что зима сменяется весной, а потом и летом, но ее страдающую душу это больше не трогало. Еще раз взглянув на документы, полученные в клинике, она машинально положила их в сумку, схватилась – было за телефон, чтобы позвонить беспокоящемуся мужу, но, подержав его в руках, бросила в сумку тоже. Она измотала его всем этим тоже, и, хотя Нина именно себя чувствовала виноватой в том, что происходит, он часто успокаивал жену, а она сердилась, потому что ей казалось, что он принял это положение вещей, согласился с тем, что детей у них не будет.

– Ну, ничего, будем жить вдвоем, друг для друга... Согласна, Нинусик? Нам и вдвоем очень хорошо, правда?...

Обрадовать его сегодня тоже было нечем, поэтому можно отложить этот разговор и до вечера. На работе Ниночка взяла отгул и могла никуда не торопиться. Ощувив голод, она порылась в большой любимой сумке (муж называл ее «пещерой Али-бабы», потому что там можно было отыскать все, что угодно) и наткнулась на надкушенную шоколадку с щекастой девочкой в платочке, любимой еще с детства. Положив кусочек детской радости в рот, Ниночка как-то отстраненно, но все же внимательно стала наблюдать за происходящим в скверике. Мамаши наперебой рассказывали друг другу о скидках в соседних магазинах, о полученных «детских», о новом телефоне, а мальчишки по-прежнему гонялись друг за другом с автоматом в руке. Только теперь роли сменились:

тот, что в зеленом комбинезоне, прятался, падал на траву, вопреки запретам мамы, и изображал раненого, а другой малыш безжалостно расстреливал противника. Мстил.

Третий ребенок, девочка такого же возраста, развлекала себя сама. Она была милашкой: крупные глаза, выбивающиеся из-под желтого беретика темные кудряшки, совсем как у Нины, желтая курточка, зеленая асимметричная юбка, плотные темные колготки и лакированные темные ботиночки. Как одуванчик на изумрудной траве, – подумала Ниночка. Мальчишки малышку в игру не принимали, и ее это, похоже, не расстраивало. Она ходила вокруг фонтана и заставляла своего щенка «прыгать». Когда он не слушался или, наоборот, вел себя очень хорошо, она брала его на руки, что-то говорила, хвалила или ругала. Но все заканчивалось неизменным поцелуем в черный кожаный нос щенка и возвращением к фонтану. Мамаша пару раз окрикивала девочку, предлагая булочку или сок, малышка отвечала отказом, но своего щенка уже дважды «кормила» свежей весенней травой.

Было время, когда Ниночка не могла смотреть на детей – не могла, и все тут! А когда Саша помогал соседке поднять коляску на третий этаж или ставил упавшего малыша на ноги – ей казалось, что вся несправедливость мира досталась именно ей. Почему? Ну, почему?!? Ведь я была бы хорошей мамой, я знаю! Но сейчас она свыклась с этой мыслью, насколько это возможно. Результаты очередных обследова-

ний от заезжего знаменитого доктора ее не удивили – удивилась бы, если бы сказал что-то ободряющее. Мама советовала отпустить эти мысли, отказаться от гонок за новыми препаратами, оставить все, уехать куда-нибудь с Сашей вдвоем: «Тебе надо отдохнуть, доченька, ты истязаяешь и себя, и его». Но Нине всегда казалось, что время для отдыха еще не пришло.

– Ну что же... будем жить для себя, – повторяла она вслух слова мужа и едва сдерживала слезы.

Между тем, девочка уже нашла себе другое занятие – кажется, увидев рыбку, стала с вниманием смотреть в воду, облокотившись на каменный бордюр. А, может быть, она просто удивилась, увидев в воде девочку в ярко-желтом беретике, совсем таком же, как у нее. Она уже почти легла на каменный бордюр, подняв одну ножку в лаковом ботиночке вверх, другой еще касаясь земли, как вдруг, потеряв равновесие, упала лицом в воду, едва удерживаясь от полного погружения в достаточно глубокий для нее фонтан. Ниночка, не успев осознать случившееся, мгновенно бросилась к девочке и вытащила ее из воды. К счастью, та не захлебнулась, просто очень испугалась. Она потеряла беретик, намочила курточку, по ножкам стекала вода и она от испуга стала громко плакать. «Ничего, это бывает», – говорила первое, что пришло в голову, Ниночка, приобняв девочку.

Наконец подбежала мама, вероятно, не сразу заметившая то, что случилось и вместо того, чтобы успокоить малышку,

стала бить ее по попе, дернув к себе, крепко схватив за руку, и громко кричать:

– Я тебе сколько раз говорила: не лезь в воду! Одного раза тебе было мало? Я тебе устрою, маленькая мразь! Ты у меня увидишь и игрушки, и мультики! – девочка беспомощно оглядывалась вокруг в мокрой одежде и плакала.

– Что Вы делаете? – закричала Нина. – Как Вы можете такое говорить? Лучше бы присматривали за ребенком, чем...

– Да кто ты такая? Какое твое дело?!? Иди отсюда! Своих дел нет?!?

– Люди не могут иметь детей, а у Вас есть все для счастья, а Вы такая злая!

– Вали отсюда, чокнутая! Без тебя разберемся!

Схватив сумку, Нина пошла прочь, слыша всхлипывания малышки и окрики ее матери вслед. Мамочки других детей подтянулись тоже, и понятно было, чью позицию они поддерживают. Ниночка не хотела ничего знать.

– Все, – подумала она, – я стала бросаться на людей. Все, хватит! Я не должна сойти с ума! Ни сумасшествия, ни суицида не будет!

Вот тогда Нина поняла, что дошла до точки. Именно тогда.

Глава 9

Несмотря на прожитые годы и детство, выпавшее на войну и послевоенную юность, Розалия Ивановна себя несчастливой не считала. Маму, которая так и не устроила своего женского счастья, очень любила. Мамина любовь была тихой, трепетной, в забавных обращениях («Розочка», «цветочек мой») и нежных прикосновениях. Девочка казалось, что и ночью, когда она спит, мама сторожит ее сон, отгоняет кошмары и любит, какой день ото дня становится дочка. А знаешь, мамочка, я могу узнать твою подушку среди всех других! Она пахнет тобой! Чем же, доченька? Теплом, молоком и ромашкой!

Со временем девочка узнала нехитрые подробности ее появления на свет, которые казались ей сказкой о принце и принцессе, давших жизнь маленькой девочке и пропавших без вести. Первая мама, яркая и жизнерадостная хохотушка, всегда привлекала внимание кавалеров больше, чем ее скромная, рассудительная сестра. Неудивительно, что статный офицер сделал предложение спустя пару месяцев именно старшей сестре. Он оказался на Кавказе по роду службы и успел влюбиться. Так недолгая командировка закончилась скромным бракосочетанием. Когда мама умерла (Розочка не могла появиться на свет более суток, неверное прилежание, поперечное положение плода, крупная немоло-

дая акушерка латышка сделала все, чтобы помочь роженице, но роды оказались слишком сложными), папа телеграфировал из Риги бабушке и дедушке. Мама-тетя, подхватив свой картонный чемоданчик со скромными пожитками, совершенно не подходящими к прохладной дождливой Прибалтике, поехала в далекую Ригу помогать с новорожденной. Через год они расписались, все было очень скромно, без гостей и нарядов. Бабушка и дедушка ответили телеграммой: «Будьте счастливы, дети!». Новобрачные в фотоателье не заглянули, скоро началась война, и папа погиб почти сразу. Так и закончилось недолгое счастье мамы-тети, любившей папу истово, самоотверженно и тайно, еще тогда, когда он сватался к ее старшей сестре.

От папы остался в памяти теплый летний день – такой редкий для дождливой Прибалтики, и папа – высокий, красивый, подтянутый, всегда носивший форму (потому что ничего другого просто не было). Он входит во двор с необыкновенным подарком в руках. Дом, в котором они жили, Розочка не помнила, только со слов мамы всплывали определенные детали их жизненного уклада. С годами девочка поверила, что сама все это сохранила в памяти. Дом был на четыре семьи, двухэтажный, со всех сторон окруженный садом с плодовыми деревьями, разнообразными цветами и самодельными качелями, закрепленными на двух уже немолодых деревьях. Качели Розочка, конечно, помнила сама. Страх и удивительное, прежде неведомое чувство полета, ко-

гда от одного взмаха сильной папиной руки ты летишь, визжишь, заливаешься смехом, смотришь на качающееся над головой бездонное небо.

Со временем девочка поняла, что можно помогать взмахом своих ног тоже — и она взлетала, еще выше, иногда задевая мокрый зеленый ковер под ногами. Запомнилось, что чаще всего было сыро и пасмурно, пахло морем, соснами и влажной землей. Полеты с папой и взлеты до самого неба были не единственными ощущениями от Прибалтики. Поездки к морю, где белые дюны с редкими, кое-где пристроившимися кустиками и чувство, что это огромная мягкая горка, с которой можно скатиться на санках даже летом; прохладное море (купаться нельзя, только ножки намочить... даже папа входил в воду быстро, стремительно, заплывал далеко, быстро возвращался и прятался в приготовленное мамой полотенце) ... Море и пляж казались бесконечными и пугали девочку: она боялась, что волны вдруг поднимутся огромной стеной, набегут на берег и заберут всех, кто смотрит на них с мягкого белого песка в бесконечную морскую пучину. Пугали малышку и сосны, огромные с перекрученными, вылезшими на поверхность корнями. Они мешали ей ходить, путались под ногами, и ей виделось, что они только притворяются обездвиженными, вросшими в землю. Стоит только отвернуться или прийти сюда без родителей, как они крепко схватят ее за ножки, обовьют руками—корнями и утащат под землю, где уже томятся в подземелье такие же

недогадливые, гулявшие в одиночку, дети.

Вот и все, что запомнила про свое недолгое житье—бытие в Риге девочка – и тот, самый счастливый солнечный день накануне войны, когда папа заходит во двор с чудесным, блестящим, самым лучшим на свете детским велосипедом в руках. Предмет зависти друзей и шаг к взрослой жизни. Красивый велосипед с красным, мягким сиденьем, обшитым кисточками и бахромой. Папа усадил ее и тихонечко поддерживая рукой, покатыл по дорожке сада, мимо цветов и качелей, смотревших грустно и обиженно на проезжавшую мимо Розочку.

Папа купил его в дачном поселке высшего командного состава армии, где жили люди с определенным достатком. К велосипеду прилагался рассказ, но мама его не помнила, а Розочка больше всего на свете жалела, что пришлось оставить такой подарок в Риге, в августе сорок первого. Глотая слезы, она думала, что никогда в ее жизни не будет больше «папиного» велосипеда... с мягким сиденьем и красными кисточками..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.